

Театр ищет...

В этом сезоне Ленинградский театр имени Ленинского комсомола показал две чрезвычайно интересные работы — «Город на заре», поставленный Р. Сусловым, и «Поднятая целина», совсем недавно выпущенную А. Пергаментом. Оба спектакля ясны по замыслу и определены по отбору выразительных средств, каждый с полной очевидностью обнаруживает художественное устремление его создателей — режиссеров и актеров. В то же время они настолько принципиально различны, словно родились под разной сценической кровлей.

Даже внешний облик спектаклей разительно не похож.

В «Городе на заре» зрителей встречает обаятельная и выходящая за пределы привычного представления сцена — оркестровая яма закрыта раздвигающимися в стороны фурами. У порталов просторно раскинулись ступенчатые площадки, увенчанные крупными скелетными кустарниками, в центре возмоздился причудливый утес, на вершине которого бьется и трещит обдуваемое ветрами тонкое деревце. В этот условный мир, мир графических линий, тускло цвета и подчеркнутой простоты, театр помещает героев наших дней, юности и девушек недавней современности, тех, чьиими руками воздвигнут город юности — Комсомольск. Коричнево-железные Утес, голая сценическая площадка да фуры, обтянутые парусиной, отапливаясь для них и амурским берегом, стоя на краю которого так хорошо любоваться голубым простором, и самой рекой, по которой можно плыть с любимой, черная веслами воду, и крышей домика, на которую хочется прикрепить скворечню, и кабиной урчащей машины, и глухой снежной поляной в сердце тайги... Режиссер скупно подбрасывает исполителям вещи — то веревку или весло, то нарты или брезент для палатки. Прикосновения к этим незамысловатым предметам быта для актеров достаточно, чтобы одушевить достоверность места и обстоятельств действия. Только трижды на всем протяжении многопланового, состоящего из длинной цепочки эпизодов спектакля возникают на сцене интерьеры. Но и интерьеры эти по существу условны, контуры их едва намечены.

Спектакль Театра имени Ленинского комсомола в полном соответствии с этим замыслом начинается непосредственным разговором актеров со зрителями. Один из героев, морячок Белосуд, разорвав ряды товарищей-комсомольцев, словно переступив рубеж сегодняшнего дня, обращается к нам, сидящим в зрительном зале.

С этого мгновения разворачивается перед зрителями история того, как комсомол построил город комсомольской славы.

Подобное постановочное решение спектакля, совместно найденное силами режиссера и художника В. Гурьяна, во многом обусловлено характером пьесы А. Арбузова — «романтической хроникой», приподнятой по интонации и скупой по характеру письма, простой и одновременно сложной по форме... Нет нужды подробно напоминать о том, как создавалось это произведение драматической литературы, плод дружеских творческих поисков писателя и десятка молодых людей, объединенных в предвоенные годы в «Арбузовской студии». Рожденная почти импровизационным путем, когда каждая самостоятельная сюжетная ниточка уже чуть ли не в ходе ре-

петиций скручивалась в тугую жгут с нитями других судеб, она состоит из пьесы развернутых картин и трех интермедий, выключенных ряд коротких эпизодов, где раскрываются все новые и новые грани взаимоотношений героев. Интермедии идут при активном участии «хора», комментирующего происходящие события, а то и активно в них вмешивающегося, советуя героям, укоряющего их, предупреждающего...

Учитывая это своеобразие пьесы, Р. Суслов удачно нашел образное единство, которому и подчинили все компоненты постановки. Картины жанровые органически переплетаются в публицистический разговор, в задумчивую беседу-исповедь, которую ведет хор, в крошечные камерные эпизоды, когда не только на сцене, но, кажется, на всем белом свете нет никого, кроме юноши и девушки, глядящих друг другу в глаза... Правда, целостность замысла постановщика им же самым порой нарушается. Не продумана до конца, скажем, роль хора в спектакле (особенно во второй его части). Титогит, отталкивая внимание перенасыщенностью всей постановки частностями, выдумками, подробностями, не всегда достаточно тщательно отобранными.

Но есть в «Городе на заре» то, что, существующее как будто даже помимо режиссерского замысла, на самом же деле являющееся его прародительницей стороной и величайшим достижением постановки.

Это актерские работы. Это труд исполнителей, вдохнувших в спектакль жизнь человеческого духа, без которой условные декорации остались бы лишь любительской выдумкой, а смелое построение спектакля — демонстрацией изобретательности режиссера. Поэтому главным достоинством труда режиссера кажутся мне сцены, где в центре — исполнители, где у артистов, стоящих на неприкрытой сцене, рождается абсолютная правда переживания.

Такова сцена в тайге, которую с неослабным напряжением и силой ведет Леша Зорин — А. Хлопотов. Таковы два его объяснения с Лелей — Н. Ургант, построенные на тончайшем общении, на непрерывном проталкиваемых исполнителями тончайших нитях подтекста. Такова великолепно решенная режиссером и выполненная участниками сцена смерти мечтателя Збылика (образ этот — большая удача В. Татосова), в которой особую прелесть и строгость приобретает Овся — Т. Дорониан. Таковы мощные сцены Белосуда — Г. Гая и Вани Жемлякова — Г. Селянина, сме-

ло и с полной отдачей живущих на сцене.

Создание подобного, как это принято называть, «режиссерского» спектакля — не новость для Театра имени Ленинского комсомола. Вспомним совсем недавние годы, когда его руководителем был Г. Товстоногов, который в течение почти семи лет твердой рукой вел театр в одном, избранном им направлении, превратив довольно разрозненную труппу в сплоченный коллектив единомышленников. Восточный спектакль «Дорогой бесмертия», по смелости и единству своему постановочного решения казавшийся своего рода открытием в режиссуре, или патетическую «Гибель асадыры», взволнованно принятому не только друзьями, но и людьми, которые ставили под сомнение творческую манеру театра. А «Униженные и оскорбленные» с их великолепной режиссерской выдумкой...

Итак, в «Городе на заре» творческий коллектив сделал еще один шаг в том направлении, которое театром хорошо освоено. Однако является ли это направление для него единственным и раскрылось ли в спектакле Суслова полностью лицо коллектива? Казалось бы, ответ должен быть положительным. Но...

На сцене этого же театра идет сейчас «Поднятая целина», решенная режиссером А. Пергаментом в принципиально иной манере. Спектакль этот задуман как актерский, постановщик словно совсем и не занимался поисками средств сценической выразительности, ане актера, помимо работы с исполнителями. Все его внимание было направлено на создание человеческих характеров, по силе, яркости и глубине созвучных тем, что сохранила для нас навсегда цолоховская проза. И именно в этой области, а не в области работы постановщика как таковой — лучшие достижения спектакля.

Великолепен Макар Нагульнов — А. Хлопотов, воплощение страстной, бескомпромиссной силы. В примечательную своей серьезной раздумчивостью, задумчивостью фигуру вырост Майданников в исполнении О. Окудзевича. Несколькими неожиданную, остренькую, подбритую Лушчу с кокетливо вздернутой губкой играет Н. Ургант. И сколько еще ярких, интересных образов есть в спектакле!

Есть в нем и ряд темпераментно, сочно поставленных сцен, они строятся в помощь исполнителю, все для актера. Пожалуй, лучшая — сцена бабьего бугая, когда все — и повороты круга, и дина-

мика мизансцен, и ритмическое построение эпизодов — направлено на то, чтобы ярче, выразительней раскрылся образ Давыдова, мудрого и стойкого солдата партии.

Словом, «Поднятая целина» — добротный реалистический спектакль с рядом интересных актерских работ. Патристический пафос его, ясно доносимая большая мысль, суровая романтика борьбы и создания роднят его с лучшими постановками Театра имени Ленинского комсомола, которым всегда были присущи эти черты. Но если говорить о художественных средствах, о творческих приемах, в которых поставлена «Поднятая целина», — она резко от этих постановок отличается. Может быть, в текущем репертуаре есть и еще работы, созданные в такой манере, но, думаю, ни одна из них не вступает в столь острое противоборство с постановками. До сих пор считавшимися наиболее характерными для почерка театра.

Правоммерно ли, что один и тот же творческий коллектив выпускает подряд два столь нехожих, мало того, столь принципиально различных спектакля? Можно было бы искать объяснение в стремлении театра в поисках, попытках идти ранее нехоженными дорогами. Но не говорит ли в то же время мирное сосуществование «Города на заре» и «Поднятой целины», что театр не уяснил себе своего направления своего творчества?

Около полутора лет назад из театра ушел Товстоногов. На пост главного режиссера вступил А. Пергамент, своей главной задачей считая работу с актерами, повышая их мастерства, привлекая к изучению психологических образов. Что ж, необходимость в этом несомненно существует. До сих пор, например, в труппе наряду с яркими актерскими индивидуальностями, уже давно расширившимися и смело используемыми в постановках, есть большое число людей, никак себя не проявивших, но обладающих, видимо, неплохими потенциальными возможностями. Есть чему поучиться и уже признанным актерам, ведь скажем, кое-кто из них, ярко и выразительно играя сценки, эпизоды в «Городе на заре», не выдерживает нагрузки сложных психологических образов произведения Шолохова, не умеет последовательно и логично прочертить линию развития, становления характера.

Вероятно, в будущем работа А. Пергамента с исполнителями принесет интересные плоды, заставит их дарования заблестать поному и еще ярче. Пока же в театре существует некоторый разрыв между привычным, чем жил коллектив ранее, и тем, что несет ему главный режиссер сейчас.

Театр имени Ленинского комсомола на перепутье. Не потому, что он плохо или безынициативно работает. Наоборот, тонус его жизни высок, один за другим он выпускает интересные спектакли. Но сейчас этого мало. Настал момент, когда коллектив должен окончательно определить для себя правильное решение задач сценического творчества. А решение это, думаю, в сочетании смелой и умной внешней выразительности спектаклей с заботой, пристальным вниманием к духовному миру героя.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ,
спец. корр. «Советской культуры»,
ЛЕНИНГРАД.